

Окна вагона были чуть приоткрыты, и в салон постепенно проникал запах моря.

Сегодня воскресенье, и кроме меня в вагоне никого не было. На летних каникулах на пляж хлынут толпы отдыхающих. А сейчас только начало апреля, и купальный сезон начнется еще не скоро. В это время можно было встретить, разве что, учащихся средних школ, у которых сейчас весенние каникулы... как и у меня.

Громыхая, поезд плавно вошёл в поворот. Цепи гор и бамбуковые леса остались позади, и перед моими глазами раскинулся живописный пейзаж, сопровождаемый все более ощутимым запахом моря. Сбитые в кучки крыши домов и медно-ржавое море темнели под мрачным небом.

Подергиваясь, поезд остановился на небольшой станции.

Я достал свой портфель с полки. Спустившись на платформу, я сразу же увидел серую полосу, проглядывающую меж темно-зеленых гор.

Не знаю, когда это началось, но долина превратилась в огромную свалку. Была она законной или нет, но сюда со всей округи приезжали грузовики и сваливали горы сломанной техники и мебели. Со временем это место погрузилось в странную тишину. Было настолько тихо, что создавалось ощущение, словно пятнадцать минут назад наступил апокалипсис. Средняя школа, в которой я учился, находилась неподалеку от пляжа, и с тех пор, как случайно забрел сюда, я стал называть это место «Магазином сокровенных желаний». Название было мною позаимствовано из одного романа*Отсылка к «The Store Of Heart's Desire», автор Смит Кордвейнер. Позже этот рассказ был переработан и переиздан под названием «The Underpeople», как вторая часть романа «Norstrilia». Первая часть — «Покупатель планет» — была официально переведена на русский., и хотя оно длинное и напыщенное, это не имеет значения, потому что я не собираюсь никому об этом рассказывать.

У моего отца странная профессия — музыкальный критик (хоть это и грубо по отношению к критикам в других областях, мне всё же хочется подчеркнуть, насколько необычна для меня работа моего отца), и поэтому наш дом заполнен всевозможными звуковыми системами, пластинками, дисками, нотами и прочим музыкальным хламом. Не выдержав всего этого, моя мать ушла от нас около десяти лет назад. У меня тогда ещё не было никаких планов или стремлений, но в ту ночь, когда мне исполнилось шесть лет, я поклялся, что никогда не стану музыкальным критиком.

Давайте на время оставим эту тему. Отец небрежно относится к оборудованию, которое требуется для его работы. Он ломает всё — будь то колонки, проигрыватель для пластинок или DVD-плеер. В детстве мне не покупали игрушек, так что я довольствовался тем, что разбирал сломанную технику, и со временем научился чинить и собирать её. Сейчас для меня это почти что хобби.

Из-за нужд моего увлечения я посещаю «Магазин сокровенных желаний» раз в два-три месяца для того, чтобы найти необходимые детали. Прогуливаясь по этой свалке, я чувствую себя единственным живым человеком на Земле, и надо сказать — это довольно приятное чувство.

Однако, в тот день я оказался не единственным посетителем.

Пробираясь к долине сквозь заросли леса, я увидел гору брошенных холодильников и машин, покрытых ржавчиной. К моему удивлению, до меня донеслись звуки фортепиано.

Сперва я решил, что мне послышалось, но выйдя из леса и посмотрев на представшую передо мной гору мусора, я понял, что сверху действительно разносится музыка, и играет не только одно фортепиано. Низкие аккорды фагота были подобны зеркальной глади неподвижного моря... а чуть позже втиснулась мелодия кларнета.

Я не знал, что это была за композиция, но точно слышал её раньше. Скорее всего, это один из французских концертов для фортепиано примерно XIX века. Но почему же он звучит здесь?

Я залез на крышу брошенной машины и стал подниматься по горе мусора. Мелодия фортепиано сменилась на марш. Поначалу казалось, что звуки издавало не до конца разрядившееся радио, но эта мысль испарилась в считанные секунды — глубина звука была другая; точно — играли вживую.

Взобравшись на вершину, я посмотрел на раскинувшуюся внизу долину... То, что предстало моему взору, было настолько удивительным, что у меня захватило дыхание.

Среди шкафов и сломанных кроватей был погребен большой рояль. Его чёрная крышка, напоминающая крыло птицы, переливалась на свету, словно облитая водой. По ту сторону фортепиано в такт изящным звукам покачивалась копна каштановых волос.

Это была девушка.

Она сидела перед покосившейся клавиатурой, её взгляд из-под длинных ресниц был сконцентрирован на руках. Глубокие и изысканные звуки, вылетающие из-под её пальцев, напоминали капли дождя, выпрыгивающие одна за другой из инструмента.

Почему-то мне показалось знакомым её лицо.

Сосредоточенное и бледноватое, оно было просто неземным. Она была настолько красивой, что я не мог отвести взгляд; её каштановые волосы переливались, словно янтарь на солнце.

Я уже где-то видел её раньше... но где же?

Я не мог вспомнить ни её имени, ни название произведения, которое она играла.

Вокруг не было ни души, и я должен был слышать только фортепиано и шум волн, доносящийся сквозь лес. Так почему? Почему я слышал целый оркестр?

Вдруг я заметил, что, когда она сильно брала низкие ноты, рояль вибрировал. И не только он; зарытый в мусоре велосипед, ржавый металлический контейнер, сломанные плазменные панели — всё резонировало с фортепиано.

Погребенный в долине мусор пел.

Эхо всех этих звуков пробудило воспоминания об оркестре, сопровождающем эту мелодию.

Это всего лишь мои слуховые галлюцинации, но звуки казались слишком реальными.

Я знаю это произведение, но какое же у него название?

Почему... оно так сильно тронуло меня?

Марш в темпе аллегро напоминал строй волн, вшагивающих в широкое устье реки перед рассветом, постепенно переходя в плавное адажио. Бесчисленные крохотные пузырьки нот поднимались из глубины моря и, всплывая на поверхность, постепенно рассеивались. Затем издали снова прогремел оркестр, и, казалось, дальше мелодия продолжится...

Но музыка внезапно прервалась.

Затаив дыхание, я посмотрел вниз на фортепиано, присосавшись к вершине горы, словно пиявка.

Девушка перестала играть и с невероятно сердитым лицом уставилась на меня. Послышавшийся мне оркестр, эхо фортепиано и даже шелест листвы — всё исчезло, создавая ощущение, будто действительно наступил апокалипсис.

— И как давно ты там стоишь?

Она заговорила. Её голос был звонким, как звук разбившегося об пол бокала. Она была рассержена. Я оступился и чуть не поскользнулся на холодильнике, на котором стоял.

— Я задала вопрос: как долго ты там стоишь?

— М-м, ну...

Выдав из себя несколько звуков, я наконец-то смог вдохнуть.

— Наверное, с каденции.

— Каденция, которая во вступлении?

Она вскочила, и её мягкие каштановые волосы упали с плеч. И только тогда я заметил, что на ней было белое платье.

— Так ты слушал с самого начала?

А что мне оставалось? Нужно было станцевать индийский танец, крича во весь голос, привлекая твоё внимание? Глядя на её покрасневшее лицо и развевающиеся волосы, я постепенно успокоился. Я не сделал ничего плохого. Просто кто-то пришел сюда раньше меня, так ведь?

— Псих! Извращенец!

— Нет, погоди-ка!

С чего это меня обвиняют в таких вещах?

— Подумать только, ты преследовал меня аж до сюда!

— Пресле... Эй! Я пришел сюда, чтобы просто собрать кое-какие детали!

В тот момент, когда она захлопнула крышку рояля, что-то срезонировало. Затем холодильник, на котором я стоял, сильно вздрогнул. Он слегка наклонился, и я заскользил вниз вместе с ним.

— Э-э-э!

Не удержавшись, я свалился с холодильника на капот брошенной машины, а потом покатился в низ ямы, где находилось фортепиано, и врезался спиной в его ножку.

— Ай!

Собираясь встать, я увидел перед собой её лицо. Она пристально смотрела на меня темно-синими глазами. Опешив, я замер. Я мог лишь глазеть на её губы, нежно вздрагивающие, будто лепестки камелии.

— Если ты меня не преследуешь, то, что же ты здесь делаешь?

— Э? А, ну, видишь ли...

Она нахмурила брови. Сковывающая меня таинственная магическая сила немного ослабла. Я наконец пришел в себя и подался назад, всё еще сидя на земле.

— Как я уже сказал, здесь я собираю кое-какие запчасти для аудиотехники! Время от времени приезжаю сюда. Я не преследую тебя.

— Правда?

Зачем мне врать? С другой стороны, может она подозревает, что её кто-то преследует?

— В любом случае, немедленно уходи отсюда и никому не говори, что видел меня. Также ты должен стереть из памяти мелодию, которую слышал.

— И как же я это сделаю?..

— Абсолютно. Никому. Не рассказывай!

На её глазах мерцали слёзы, словно падающие с неба звёзды. Увидев это, я больше не мог ничего сказать.

— Я понял. Я просто уйду, хорошо?

Взгромоздив на плечи рюкзак, я начал карабкаться вверх по горе мусора. Вдруг позади меня раздались скрежещущие звуки техники, а вслед за ними крики: «Ах! Нет!»

Повернув голову, я заметил на фортепиано диктофон размером с ладонь — он издавал странный звук. Она всё это время записывала?.. Похоже, кассета крутилась то в одну сторону, то в другую. Я не мог больше смотреть на то, как она взволнованно держит диктофон. Я подошел и выключил его.

— Он... Он сломался? — спросила она дрожащим голосом, поднимая его повыше и держа в ладонях, словно яйцо, из которого вот-вот вылупится птенец.

— А-а-а, не делай этого. Нельзя вот так просто открывать его.

Она резко прекратила попытки снять крышку. Я положил рюкзак на фортепиано и достал

отвертку. Заметив это, она посмотрела на меня ошарашенными глазами.

— Ты хочешь его разобрать?

— Не волнуйся. Я его починю. Буду осторожен.

Взяв из её рук устройство, я заметил, что это вовсе не обычный диктофон, а двухдорожечный, плюс ещё и проигрыватель. Он не только мог проигрывать обе дорожки одновременно, но и записывать их по отдельности. Однако, надписи на диктофоне были на языке, с которым мне раньше не приходилось сталкиваться, и это явно не английский.

— Что это за язык?

— Венгерский, — нежно ответила она.

Европейская техника, значит. Смогу ли я починить такую штуку?

После того как я открутил шурупы и снял крышку, то увидел, что диктофон был сделан из знакомых мне деталей. Международные стандарты и вправду весьма полезны.

— Его... можно починить?

— Скорее всего.

Опустив крышку фортепиано, чтобы можно было использовать её как рабочий стол, я принялся медленно разбирать диктофон. Как я и думал, магнитную ленту зажевало — она вылезла и скомкалась в пучок. Мне пришлось повозиться, чтобы достать кассету.

— Эй, этот диктофон с самого начала так барахлил?

— Э? А, м-м-м... кассета продолжает крутиться даже после того, как проиграл до самого конца. Так что лента запутывается, если не нажать «стоп».

Понятно, не срабатывал автоматический тормозной механизм.

— Э-это из-за того, что ты внезапно появился, я забыла остановить его.

Так снова виноват я? Купила бы лучше новый...

— Он тебе дорог?

Ведь она пользовалась им, несмотря на то, что он сломан.

— Э? — удивленно посмотрев на меня, она опустила голову. — М-м-м.

Венгрия, значит?.. Тогда получается, она не японка? Судя по её чертам лица, казалось, что она полукровка. Придя к такому выводу, я покопался в мусоре и, отыскав нужные детали, наконец завершил операцию над диктофоном. Теперь он не будет выходить из-под контроля, и можно без проблем перематывать плёнку назад и вперёд.

— Ну вот, готово.

— Э-э... А, м-м-м.

По её лицу было видно, что она не верит своим глазам. Я было хотел включить диктофон, чтобы проверить его работоспособность, но она вдруг выхватила его из моих рук.

— Тебе нельзя слушать.

Она убавила громкость до минимума и затем включила диктофон, чтобы проверить его исправность.

— С-спасибо...

Опустив голову, она покраснела и, крепко прижимая диктофон к груди, тихо меня поблагодарила. Я смутился, хоть и не понял из-за чего. Потом отвернулся и кивнул.

Когда я почти закончил убирать свои инструменты обратно в рюкзак, она спросила:

— Почему ты взял с собой так много вещей?

— Я уже говорил: мне нравится возиться с техникой, поэтому я приехал сюда, чтобы поискать запчасти!

— И... это весело?

Её внезапный вопрос сбил меня с толку, и я не знал, как ответить.

— Хм-м... Не уверен, что починка сломанной техники — весёлое занятие. Но все радуются, получая назад то, что считали навсегда потерянным.

Мы переглянулись, и она снова покраснела, поспешно отвернувшись. В то время как я смотрел на её профиль, у меня появилось внезапное желание засыпать её кучей вопросов. Зачем пришла сюда? Куда важнее... Кто она? Как называется произведение, которое она играла? К тому же, я хотел послушать, что она записала. Может быть, оркестр мне всё-таки не послышался? У меня в голове было столько вопросов, но если я их озвучу, девушка, наверное, опять разозлится.

Она положила диктофон на фортепиано, после чего села на шкаф, как на стул, и посмотрела на свои ноги. Я хотел продолжить разговор, но атмосфера к этому больше не располагала, и я не мог найти повода, чтобы заговорить. Бог с ним, всё равно я, похоже, мешал. Пойду-ка просто домой.

Интересно, увижу ли я её здесь когда-нибудь еще? Или, может, она приехала сюда, потому что у неё дома нет фортепиано? Думая обо всём этом, я собрался залезть на гору мусора. И тут, я услышал за спиной её голос:

— Эм-м...

Я обернулся.

Она ерзала рядом с фортепиано. И не похоже, что сердилась — она смущенно потупилась с покрасневшим лицом.

— Ты живёшь рядом?

Я склонил голову на бок.

— Нет... На поезде ехать примерно четыре часа.

— Ты сейчас идёшь на станцию?

Когда я кивнул, она сразу же облегченно вздохнула. Повесив диктофон на пояс, она принялась карабкаться по склону, двигаясь в мою сторону.

— Ты возвращаешься домой? Тогда я могу остаться здесь...

— Нет, не можешь! Давай, шевелись!

Какого чёрта?..

Безрадостно маневрируя между грудями мусора, я медленно пробирался обратно к лесу рядом с долиной. Девчонка постоянно жаловалась, что у неё болят ноги и что она вот-вот упадет, но всё равно следовала за мной.

— Слушай... — повернувшись, сказал я.

Она вздрогнула от неожиданности и нервно заерзала в трех метрах позади меня.

— Ч-что?

— А ты, случаем, не забыла дорогу обратно?

Из-за того, что её кожа была намного светлее, чем у типичного японца, было очень заметно, когда она краснела. Хотя она резко замотала головой, кажется, мое замечание попало прямо в точку. Я невольно вздохнул:

— Хм, когда я приехал сюда в первый раз, тоже потерялся.

Чтобы потеряться на пути от побережья до станции, достаточно всего лишь одного единственного шага не в ту сторону.

— Я здесь не впервые. И была уже здесь раза три.

— И ты до сих пор не запомнила дорогу, хотя была здесь аж три раза...

— Я же сказала, что всё не так!

— Ну, так и иди одна.

— А-а-а...

Она стиснула зубы и уставилась на меня. Мне ничего не оставалось, кроме как прекратить спор и тихо выйти из леса. По дороге мимо нас проехал фиолетовый грузовик, скорее всего направляющийся на свалку. Он скрылся из виду, и лес снова погрузился в глубокую тишину. Отдаленные звуки грузовика и шелест трущихся друг об друга веток напомнили мне о богатом ансамбле концерта для фортепьяно.

То было поистине потрясающее выступление, от которого у меня захватило дыхание. Однако этого чуда бы не произошло, если бы эта девушка не играла на фортепиано в таком особенном месте. Я шел дальше и иногда украдкой посматривал на неё.

И всё же, где я её раньше видел? Может, она была моей подружкой в детстве? Иначе почему она вела себя со мной настолько вызывающе и своенравно?

Нет, это невозможно...

Девушку, которая произвела на меня такое сильное впечатление, я бы её не забыл.

Когда мы дошли до маленького городка между морем и горами с множеством подъёмов и спусков, перед нами внезапно появилось скопление домов и станция. На арке торговой улицы не горело почти ни одного декоративного фонаря, а на крыше четырехэтажного здания, сохранившегося со времен эры Сёва, высился рекламный щит Gliko. Даже набегает тоска по прошлому... Слева, с верха дома свисал знак с логотипом JR и названием станции. Кроме нас и нескольких бездомных кошек, рыскавших в поисках еды у входа в магазинчик собы, ничего не двигалось.

— Вот мы и пришли.

— Я вижу.

Это всё, что она сказала, перед тем как ринуться ко входу на станцию.

Находясь в ступоре и обдумывая, что мне делать дальше, я не мог даже окликнуть её по имени. Ничего не поделаешь. Я только что встретил её, и к тому же она попросила меня забыть о ней.

Наверное, стоит просто вернуться и продолжить собирать запчасти.

Я повернулся к ней спиной, и уже было собрался уходить, как услышал чей-то голос:

— Эй, ты.

Голос принадлежал полицейскому, уже в возрасте, вышедшему из небольшого полицейского участка напротив автобусной остановки. Но, похоже, он обращался не ко мне. Девушка испуганно повернулась. Полицейский подошел и спросил:

— Эй, ты, случаем, не Эбисава-сан?

— Э?.. М-м, я...

Её лицо побелело от страха.

— А-а-а, я прав. Даже твоя одежда подходит под описание. Тебя ведь ищет твоя семья, правильно? Кажется, ты приезжала сюда и в прошлый раз, когда убежала из дома. Как бы то ни было, иди за мной. Я свяжусь с твоими родителями.

Сбежавшая из дома девочка... И, видимо, не в первый раз, так что лучше мне с ней не связываться. Я продолжил идти дальше, но, поравнявшись с полицейским, почувствовал на себе её пристальный взгляд, молящий о помощи. Чёрт, угораздило же меня заметить.

Казалось, её искренний и слезливый взгляд говорил: «Если ты мне не поможешь, я буду ненавидеть тебя всю жизнь».

Успокойся. Просто не обращай на неё внимания.

Но было уже поздно. Мне было бы стыдно называть себя мужчиной, уйди я молча после того, как увидел её глаза.

— Извините...

Глядя на вымокшую от пота спину полицейского, я заговорил. Он уже собирался отвести

девочку в полицейский участок, но обернулся. Судя по его выражению лица, он заметил мое присутствие только сейчас.

— Мне кажется, вы перепутали её с кем-то другим. Видите ли, мы с этой девушкой едем на экскурсию.

— Что?

Лицо полицейского искривилось, будто он съел таракана.

— Эй, пошли быстрее. Если пропустим поезд, придется долго ждать.

— А, э... м-м-м.

Она отошла от полицейского, я кивнул ему, и вместе мы направились к станции. Не знаю, понял ли он, что я ему только что сказал, но оставаться там не имело смысла.

Купив билеты и пройдя через турникеты, мы посмотрели в сторону автобусной остановки.

— Сработает ли?.. Ты ведь мне подыграешь, если он нас поймает?

— Я, я... — девочка отвела глаза. — Я не просила тебя о помощи!

— Хорошо, я тогда пойду, позову полицейского. Врать — нехорошо.

Девочка покраснела, не сказав ни слова. Однако она несколько раз шлёпнула меня по спине.

— В следующий раз, когда убежишь из дома, выбери место, где родители тебя не найдут!

— Да нет же! Всё не так, как ты думаешь...

Получается, я сунул нос не в свое дело. Она что, и вправду на меня сердится? Эй, я же её выручил!

Она сдержала гнев и, кинув на меня сердитый взгляд, пошла в сторону платформы линии Кудари. В противоположную сторону, нежели я... Мне стало чуточку спокойней, но в то же время немного грустно.

На станции прозвучала мелодия, сообщающая о прибытии поезда. Это очень знакомая мелодия — «12 вариаций до-мажор на тему Ah vous dirai-je, Maman»*12 вариаций до мажор на тему французской песни «Ah, vous dirai-je Maman», KV265 — Вольфганг Амадей Моцарт.

— А...

В моей голове вдруг загорелась лампочка. Я вспомнил, кто она. Разве полицейский не упомянул тогда, что её фамилия — Эбисава?

— Эбисава... Мафую?

Девчонка начала было подниматься по лестнице, но она была настолько удивлена, что замерла на месте. Она обернулась; её светлое лицо быстро покраснело, а глаза напоминали тёмно-свинцовое небо перед грозой.

Не удивительно, что она показалась мне знакомой — я видел её раньше на обложках дисков и по телевизору. Она необыкновенно одаренная пианистка, ставшая самой молодой победительницей Международного конкурса фортепианной музыки всего лишь в двенадцать лет. На её дебютном выступлении аплодировал весь зал. Эбисава Мафую.

Два с половиной года назад эта загадочная девушка выпустила достаточно много альбомов, но, как ей исполнилось пятнадцать, исчезла из мира музыки.

И сейчас эта таинственная персона стояла прямо передо мной, схватившись за перила и находясь на грани слёз.

— Ты... меня знаешь?..

Шум сигнала железнодорожного перехода почти заглушил её запинаящийся голос, но я всё равно слегка кивнул. Я не только её знаю, но и даже помню названия всех песен, которые она выпустила.

— Ага, знаю. Потому что у меня есть все твои альбомы...

— Забудь обо всем!

— Э-э?

— Просто забудь всё!

Я хотел что-то сказать, но видел лишь то, как она побежала вверх по лестнице и её каштановые волосы, трепетавшие на ветру. Динь-динь-динь! — раздался сигнал в тот же момент, и шлагбаумы на переходе опустились. Какое-то время я стоял на одном месте в недоумении.

— Эй! — прозвучал сбоку голос.

Я повернул голову и увидел на противоположной платформе белый силуэт. Мы переглянулись, и затем она, Эбисава Мафую, махнула рукой и что-то кинула.

Через пути перелетел красный предмет. Я вытянул руки, пытаюсь его поймать, но он ударился о кисти и упал возле моих ног. Банка с газировкой.

Между нами проехал поезд.

Она зашла в поезд, и он отъехал от станции, оставляя меня одного на платформе. Газировка катилась по асфальту, и чуть было не упала на пути, но я вовремя поднял её. Ещё холодная — наверное купила в том автомате. Значит, она хотела меня этим отблагодарить?

Эбисава Мафую.

Я слышал все ее альбомы, хотя они были куплены не мной. Их бесплатно дали моему отцу, так как он музыкальный критик. Его музыкальная коллекция каждый месяц увеличивается примерно на несколько сотен дисков, но ее произведения — единственные, которые я не устаю слушать. Даже порядок композиций произвел на меня сильное впечатление. Мне нравилось искать те неосознанные проблески теплого ритма среди той ясной, ровной и неодушевленной мелодии.

Потом я подумал о произведении, которое она играла на свалке. Оно не появлялось ни на одном из альбомов. Иначе, я бы его запомнил.

Что с ней случилось? Что она пережила?

Такой унылый мотив не присущ стилю Эбисавы Мафую.

Её последние слова эхом звучали у меня в ушах: «Просто забудь всё!»

С газировкой в руке я сел на скамейку. Пока не приехал поезд, эхо её голоса и того интригующего концерта для фортепиано звучали у меня в голове.

Такое невероятное совпадение случилось со мной на весенних каникулах перед поступлением в старшую школу.

Когда я вернулся домой, то начал раз за разом слушать «12 вариаций до мажор на тему Ah vous dirai-je, Maman» в исполнении Мафую. Я вспомнил события этого дня, и ко мне в голову невольно вкралась мысль, что всё это могло быть всего лишь сном. Ведь мусор просто не мог резонировать с фортепиано, и совсем невозможно то, что он звучал как оркестр.

Единственное, что могло доказать реальность всего случившегося, была брошенная мне банка, которая прыснула на меня сладкой жидкостью, как только я потянул за кольцо. Блин, нельзя же трясти и бросать газированные напитки. После того как я вытер пол тряпкой, меня охватило ощущение, будто единственное оставшееся чувство реальности тоже исчезло.

Даже если бы она не хотела, чтобы я забыл обо всём, я бы, наверное, всё равно забыл. Я занятой человек и не могу даже вспомнить, что мне снилось два дня назад.

Тогда я ещё не подозревал, что снова встречу с Мафую в похожей ситуации.

<http://tl.rulate.ru/book/23394/483387>